

весь социум становится обладателем смысла. Легитимация всех институтов и ролей становится возможной только посредством включения в смысловой мир.

Можно сказать, что символический универсум в жизни индивида «расставляет все по своим местам». Он является гарантом практически совершенной легитимации институционального порядка. Если говорить о социальной значимости символического универсума, то он выступает защитным механизмом для институционального порядка и биографии индивида. Вместе с тем, он дает возможность понять содержание социальной реальности.

Таким образом, можно сделать вывод о фиксации характеристик этничности в «модели мира». Стремление к их сохранению заставляет пред-

ставителей этноса постоянно воспроизводить свои особенности в функциональном ракурсе. Таким образом, открытость (замкнутость) этнической общности связана с тем, как она позиционирует себя в окружающей мире. Готовность или нежелание к расширению численности приводит к динамичности или статичности «модели мира». Вместе с тем, данная конструкция имеет устойчивый и стабильный характер, что позволяет этносам на протяжении длительного времени и множества поколений подряд транслировать актуальные для себя свойства и качества. Подобный процесс открывает доступ не только к глубинному пониманию этнических ценностей, но и дает возможность проанализировать функциональные ориентиры и акценты этноса в процессе его существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штанько М.А. Философские проблемы конструирования политической реальности: символический аспект: Дис. ... канд. философ. наук. — Томск, 2004. URL: <http://dissertation2.narod.ru/DISS2005/17-5.htm> (дата обращения: 18.04.2010).

2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
3. Потемкин В.К., Симанов А.Л. Пространство в структуре мира. — Новосибирск: Наука, 1990. — 174 с.

Поступила 21.04.2010 г.

УДК 008

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАЦИИ В НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

И.С. Ильин

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

E-mail: ilin14@yandex.ru

Предпринята попытка показать нравственность как идентифицирующее начало национальной исключительности. Делается вывод, согласно которому основанием всего, что характеризует народ и как национальную и как культурную единицу является специфический мир нравственных представлений. Утверждается неизменность основных черт национального менталитета, несмотря на любые исторические изменения.

Ключевые слова:

Мораль, менталитет, этика, традиция, право.

Key words:

Morality, mentality, ethics, tradition, law.

Происходящий в современном мире процесс глобализации, как стало очевидным, плохо сочетается с национальными, культурными традициями исторически сложившимися в странах-участниках за исключением лидеров движения, которыми являются США и Западная Европа. Вместо того чтобы следовать единению при сохранении разнообразия предлагается, в частности, следовать идеологии, в которой утверждается существование изначального духовно-культурного единства всего человечества или утверждается существование общечеловеческих ценностей. Именно такая политика, как показывает современный опыт мировой истории, оказывается малоперспективной. Достижения, которыми гордится современный Запад и ко-

торым он придает универсальное значение, утверждает их как общечеловеческие ценности, плохо приживаются, даже при желании их заимствования, в других странах. Например, правовое демократическое государство фактически продолжает существовать только в странах Запада. Практически встает вопрос о непроходимых границах между различными национальными культурными образованиями, не позволяющими им органично слиться в некое единое общечеловеческое целое [1]. Речь идет не просто о специфике внешнего поведения. На сколько такое поведение может быть изменено? А это значит, что перед нами стоит следующий вопрос: что изначально определяет такую специфику, позволяя людям идентифицировать себя с другими

представителями своей нации, и заставляет уже отличать себя от представителей всех других национальностей? Это и есть вопрос о самоидентификации нации, за решением к которому я предлагаю обратиться к нравственному началу.

Определяя нравственность как идентифицирующее начало национальной исключительности, мы тем самым будем говорить о признаках нравственно-психологического характера, которые необходимо принадлежат к понятию той или иной нации. В нашем случае главным образом речь пойдет о русской нации, о критериях русской национальной идентичности. Такими критериями и будут признаки нравственно-психологического свойства.

Тема идентичности, как известно, принадлежит культурологии, социологии и социальной философии. На сегодняшний день понятие о той или иной национальной идентичности становится предметом обширных дискуссий. Но в каких случаях, прежде всего, будет являться уместным применение такого понятия? Например, современный исследователь В.Н. Брюшинкин, задавая таким вопросом, замечает: «...в высказываниях об идентичности речь идет об индивидах и их общностях определенного типа. Во всех приведенных высказываниях в качестве предиката выступает понятие о некоторой общности людей. Эту характеристику можно считать отличительной чертой высказываний об идентичности» [1. С. 12]. О каких примерах — высказываниях идет речь?

Примеры, которые приводит взятый нами автор, достаточно просты и показательны. «Я — калининградец» или «Петров — русский», а «англичане — европейцы» — вот примеры высказываний об идентичности. И уже «Иван — добрый человек» и «калининградские женщины красивы» к высказываниям об идентичности не относятся. Таким образом, можно сказать, что решение вопроса об идентификации какого-либо предмета, какой-либо вещи предполагают возможность количественного сложения. Например, к числу два я могу прибавить число пять, но не могу прибавить, скажем, стол или автомобиль. В сущности, об этом и говорит В.Н. Брюшинкин, когда пишет, что «Социальная идентичность связана с отнесением индивида или группы (множества) индивидов к какому-либо более широкому общественному целому...» [1. С. 12]. Понятно, что для установления индивидуальной социальной идентичности мы должны иметь перед собой набор признаков принадлежащих «широкому общественному целому» и если таковые признаки окажутся в наличествующими в индивиде, то вопрос о социальной идентичности будет нами решен положительно. В нашем случае таким целым будет понятие «русский народ», а признаки, которые необходимо вбирает такое понятие, будут признаками нравственно-психологического типа.

Важно отметить, что такие признаки складываются в некоторое органичное целое, позволяющее

определенным образом воспринимать картину мира и выстраивать свое поведение. Характер поведения того или иного народа выдают его навыки. Основным фактором складывания последних, например, тот же В.Н. Брюшинкин видит желание людей приспособиться к чрезвычайно сложным условиям внешнего мира. «Каждый народ в ходе своего приспособления к среде ... вырабатывает навыки, позволяющие...совершать действия, которые приводят к успеху, хотя при этом не осознаются все факторы, влияющие на результат данного действия» [1. С. 13].

Мы согласимся с тем, что миропонимание всегда является в какой-то степени упрощением наличествующей картины мира. Складываемые, исходя из этого навыки, какими бы внешне сложными они не выглядели, все-таки есть упрощенный вариант взаимодействия с окружающим миром. Но значит ли это, что за таким упрощенным миропониманием и системой действий стоит желание достичь наиболее успешного проживания на бытовом уровне? Ведь известны случаи, когда целые народы отказывались хоть в какой-то степени изменить стереотип своего поведения, объективно предпочитая физическое уничтожение такой замене. Есть народы, которые следуют своему миропониманию, своим навыкам, несмотря на то, что они относительно не упрощают, но усложняют им жизнь, и вовсе не имеют большого прикладного значения и соответственно не приводят к серьезным позитивным изменениям на внешнем цивилизованном уровне. Может быть, в основе типичного поведения любого народа лежит нечто имеющее самоценное значение, а не простое желание добиться внешнего благополучия? Таким нечто для нас будут нравственно-психологические свойства народа, и они же критериями позволяющими идентифицировать национальную принадлежность.

В философско-антропологических учениях человек, как правило, рассматривается отвлеченно от какого-либо типа национальной культуры. Такой подход оправдан тем, что раскрыть самые общие свойства человека как живого существа, которые присущи ему во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса — значит, в принципе выразить человеческую природу. Общеизвестны универсальные человеческие качества, к числу которых принадлежит, прежде всего, управляющий орган (мозг) и управляемое тело. Замечая общие человеческие качества, исследователи-ученые сказали так много замечательного, глубокомысленного о человеке. Между тем несложно заметить, что природа допускает уникальные особенности, выделяющие человека как представителя той или иной национальной культуры, какой-либо народности. К сожалению, всякого рода идеологические учения довели идею равенства людей до абсурда, придав им смысл одинаковости представителей различных народов относительно свойственных им спо-

собностей. На самом деле народы различаются по своим природным задаткам.

Проводимое различие между существующими народами основывается на специфике их поведения. Способ жизни, манеры, вкусы, воззрения, социальные взаимоотношения — вот те признаки, особенность которых позволяет нам отличать один народ от другого и любому народу в отношении всех других говорить, что они это не мы. При этом язык, религия, государственная принадлежность — все это критерии далеко не всегда позволяющие проводить названное различие.

Например, мексиканцы, перуанцы, аргентинцы говорят по-испански, но они не испанцы. С другой стороны, все европейские народы говорят на различные языках. Но при этом они единодушны или выражают, в сущности, единое мировоззрение, что хорошо дает понять их образ жизни, их поведение. Существующая духовная инварианта между всеми западными культурами подмечена давно. Принадлежность к одной религии не является еще показателем общности людей в их поведении и миропонимании. Легко увидеть серьезные различия между типами взаимоотношений в католической Бразилии и католической Западной Европы. Так же православный грек это не православный русский. Не случайно сложилось различие между византийским и русским православием. Известно, что живущие в одних климатических условиях люди, очевидно, принадлежат к различным народам. Недопустимо говорить о серьезном различии между климатом псковской области и соседней с ним Эстонии, но поведение русского человека даст о нем знать как о представителе другой нации, если он окажется на территории другого теперь эстонского государства. При этом нельзя будет сослаться только на языковое различие. В Эстонии живет достаточно много людей, для которых русский язык является родным, поскольку их родители русские. Рождаясь в Эстонии, и, проживая в ней достаточно долгое время для человеческой жизни, они становятся людьми, которые по своему стереотипу поведения не отличаются от эстонцев. Про себя они говорят, что они эстонцы умеющие говорить на русском языке. То же касается и общности государственной территории. Это хорошо было заметно на недавнем примере из отечественной истории, когда на единой территории государства Советского Союза жили различные народы.

Нужно понимать, что народы, в сущности, различаются между собой ни по языку, ни по религии, ни по климату, в котором они живут, и ни по своей гражданской принадлежности. Каждый из названных факторов в смысле определения национальной самобытности как сам по себе есть ноль. Ни один из них и не их совокупность не являются совершенно обуславливающим началом для типа поведения, позволяющего проводить серьезные различия между народами. Что же тогда определяет для человека его тип поведения как отличный от типа поведения других народов, если это

не язык, не религия, не климат и не существующий тип государства?

Конечно, нельзя, например, отрицать влияние сохранившейся культуры, ее элементов на тип поведения какого-либо народа, на складывающиеся в нем убеждения, но такое влияние будет означать не уподобление или копирование, а сложное взаимодействие, в результате чего рождаются оригинальные культуры. Так на территории Западной Римской империи проходил процесс, получивший название романизация варваров и варваризация римлян. Православное христианство как элемент культуры принятый на Руси от Византии, становится русским православным христианством отличным от христианства византийского. Поэтому сложно согласиться с мнением, согласно которому русская душа пассивно восприняла все то, что дало ей христианство, пришедшее к нам из Византии. «В нравственной области православие дало русскому человеку живое и глубокое чувство совести, мечту о справедливости и святости, верное осознание греха и различия правды и кривды, добра и зла» [2. С. 194]. Что же еще можно было дать нравственному миру русского человека? Очевидно, что так дано было все. Почему же тогда цитируемый автор, подтверждая давно подмеченную истину, пишет, что: «Византийское православие было суше, холодней, чем русское его проявление, где главным в человеческом существе стала жизнь сердца» [2. С. 194]. Если влияние православного христианства определило ценностное содержание русской души, но это было уже не византийское православие, тогда что же последнее превращает в православие русское? Ничего другого кроме самой русской души, на мой взгляд, не остается, а влияние на нее православного христианства следует потому признать не безусловным, но относительным. Русское православное христианство есть результат встречи двух таких начал как византийское православие и русская народная душа, русский народный менталитет. Потому мы не согласимся с распространенным ныне мнением, согласно которому корни русского менталитета глубоко уходят в православную религиозность.

Православное христианство является самым значимым элементом русской культуры, но не ее источным началом. Это зеркало русской души, одно из самых сильных ее выражений, но не сама душа. В этом смысле нельзя быть русским и не выражать в своем поведении, миропонимании хоть как-то или в какой-то степени этику русского православия. И можно причислять себя к русскому православию, стараться выполнять церковные законы, но оставаться все-таки не русским, не православным человеком по своему душевному укладу, если по крови Вы инородец. Понятие «инородцы» означает представителей не русских народов, населяющих Россию и внесших серьезный вклад во многие общественно-важные аспекты ее жизни. Необдуманно будет говорить о том, что корни русского менталитета уходят в православную религию

озность. То же самое, если утверждать, что началом русского языка является русская литература. Конечно, литература облагораживает родной язык, но при этом все-таки язык является ее началом. Русская литература есть выражение русского языка, и русское православие есть выражение русской души, а не наоборот. При этом христианство, сложившееся на Руси утверждало русскую духовность, оправдывало ее для людей перед Богом, способствовало ее развитию и росту. Не замечать так же влияния христианства на русскую душу нельзя. Но русская традиционная духовность в своем содержании продолжала всегда сохранять свою самость, способность избирать и менять, в определенном смысле, убеждения, которые принимают священное значение. То, что мы русские – это первично, то, что мы православные христиане – это вторично, поскольку характерные черты русского менталитета дают хорошо о себе знать в любых культурно-исторических явлениях. В связи с таким положением можно вспомнить учение А.С. Хомякова, где говорится о различии между верой и религией.

Показывая значение понятия вера, А.С. Хомяков имеет в виду тот принцип, по которому складываются нравы того или другого племени, народа. «Вера составляет предел его (*народа* – *И.И.*) внутреннему развитию. Из ее круга он выйти уже не может, потому что вера есть высшая точка всех его помыслов, тайное условие его желаний и действий, крайняя черта его знаний» [3. С. 22]. Такая вера обуславливает историческую судьбу народа, его культурный облик. От веры зависит психология народа, своеобразие черт характера, образа мыслей, все то, что влияет уже на выбор религии. Потому-то живущая в народе религия имманентна его вере, но не тождественна ей. И потому религия существующая является выражением народного начала именуемого как душа, вера, менталитет.

Существуют, конечно, теории, в которых неизменность черт народного характера категорически отрицается. Действительно, то, что различные поколения людей вели и ведут себя по разному, хотя и принадлежат к одному народному образованию, является очевидным. Отталкиваясь от такого факта, Л.Н. Гумилев в своей концепции этногенеза показывает, что народы, продолжая сохранять свое имя, меняют души и соответственно меняются по своему стереотипу поведения настолько, что уже становятся неузнаваемыми. «Стереотип поведения этноса столь же динамичен, как и сам этнос. Обряды, обычаи и нормы взаимоотношений меняются то медленно и постепенно, то очень быстро» [4. С. 101]. В отношении России Л.Н. Гумилев пишет: «Сравним хотя бы Москву семнадцатого века с ее боярскими шапками и бородами, когда женщины пряли за слюдяными окнами, с Москвой восемнадцатого века, когда вельможи в париках и камзолах вывозили своих жен на балы, с Москвой девятнадцатого века, когда бородатые студенты-нигилисты просвещали барышень всех сосло-

вий, уже начавших смешиваться между собой, добавим сюда декадентов девятнадцатого века» [4. С. 54].

На наш взгляд, и в данном случае, изменения, которым ни чужда, конечно, никакая культура, показывают сохранение прежнего содержания, причем главного, основного, но только в другом его определении, что позволяет, как по родимым пятнам узнать всякий народ в любом его историческом обличии. Так, свойственная русским женщинам великодушность и самопожертвование с одинаковой силой заставляли вести их и затворнический образ жизни и следовать за своими мужьями на край света (пример декабристских жен) и вливаться в террористические бригады бывших народников. Внешне поведение, действительно, было при этом различно, но внутренний его мотив оставался неизменным: желание жертвовать собой ради благополучия другого человека. Прежним, говоря словами А.С. Хомякова, оставался племенной нрав. В этом смысле любой этнос, любая культура консервативны.

На разных этапах своего исторического развития русские люди выражали в различных формах единую по происхождению национальную идентичность, то есть нечто такое в желаниях, поведении, образе мыслей, что позволяло узнать или определить их именно как носителей русской нации. Настроение и поведение, выражаемые в одну эпоху, идентифицируются, по своей сути, с настроением и поведением выраженными русскими в другое историческое время. В своем исследовании мы обоснованно будем раскрывать положения о неизменности надисторичности существующего менталитета и согласимся с положением вынесенным тем же В.К. Трофимовым: «Современные русские, благодаря механизмам социальной памяти и культурному наследованию, воспроизводят в жизненно важных ситуациях те же ментальные черты, которые присущи их далеким предкам» [5. С. 25].

Существующая в народе какая-либо высшая ценность или общезначимая культурно-духовная норма обуславливает, в конечном счете, его историческую судьбу. Высшая для народа ценность-идея, так или иначе, проявляет себя во всех элементах его социально-культурной деятельности, имея свое первоначало в нравственном содержании его души. «Там где земная жизнь людей складывалась более-менее сносно, она строилась не на умозрительных домыслах и расчетах, но на святынях, т. е. на нравственных императивах, «предрассудках», если угодно своеобразного у каждого из народов что и делает их неповторимыми соборными личностями, общественными индивидуальностями» [6. С. 380–381]. Добавим, что высшей нравственной ценности отвечают, по сути, все ментальные качества ее носителя.

Итак, чтобы понять причины исторического поведения любого народа, понять почему он ведет себя в истории так именно, а не иначе мало будет обратиться к его религии, климатическим условия

и вообще каким-либо внешним влияниям. Истинной последней инстанции будет сердцевина его нравственных представлений, которые не могут быть обусловлены никакими внешними факторами. Пока заметим, что человек попадая с младенческих лет в чужие для него условия, может быть воспитан соответствующим образом. Но уже невозможно будет человеку выйти из своего этноса, если когда-то пусть даже очень давно к нему привиты были родные его крови ментальные представления. Можно обратить внимание на различное поведение новорожденных детей. Почему существует такое различие? Находятся они примерно в одних условиях, и о каком серьезном воспитании может идти речь, если от рождения им только еще четыре или шесть месяцев? Люди уже рождаются разными, на что может обратить внимание элементарное наблюдение. Мы не будем решать вопрос о причинах такого различия, но отметим только, что попытаться выйти из своего этноса, по меткому замечанию Л.Н. Гумилева, — это то же, что вытащить себя из болота за собственные волосы; как известно, это проделал только барон Мюнхгаузен.

К сожалению, такие, на первый взгляд, смешные попытки имеют место. К сожалению потому, что искусственное стирание существующих уже естественно определенных культурно-национальных границ будет создавать только дополнительные осложнения и проблемы в общении между людьми. Если представитель какой-либо нации начнет выдавать себя как представителя другой национальности и приписывать ей от себя то, чего в ней в этой другой нет и быть не может, тогда его поведение будет вызывать только злобу и раздражение. Это не значит, что, например, еврей не способен рефлексировать над спецификой духовности русского типа и выражать ее в своих произведениях. Можно сразу вспомнить, например, такие

имена как Л.И. Шестов и И.И. Левитан. И удивительны по своей тонкости и глубине проникновения в еврейскую душу сочинения В.В. Розанова и Н.А. Бердяева. Но ведь названные, действительно, были гениальными людьми, а это большая редкость, это исключение. И, наверное, было важно, что никто из них не выдавал себя за русского или еврея, каковым он на самом деле не являлся. Отсутствие в творчестве искренности, на мой взгляд, исключает серьезное и глубокое осмысление проблемы.

Итак, в основе всего, что характеризует народ и как национальную и как культурную единицу лежит специфический мир нравственных представлений. Культура это не просто накопленная в данном обществе сумма практических и научных, гуманитарных знаний, умений и навыков, которые можно использовать в самых различных целях, «но все эти знания органично спаяны в одну систему со своеобразными моральными ценностями» [6. С. 383]. При этом специфическое содержание моральных ценностей продолжает оставаться по сути своей неизменным, несмотря на любые внешние исторические изменения. Существующие учения о многополярности культур, когда, например, исследователи ссылаются на различие между духовно-культурной атмосферой Германии времен И.Ф. Гете и И. Канта и идеологией Германии уже фашиствующей вызывают сомнения. В связи с названным заслуживает внимания работа русского философа В.Ф. Эрн, которая носит название «От Канта к Крупну» [7]. В этой работе В.Ф. Эрн старался показать, что воинствующий дух немецкого народа времен первой мировой войны являлся только новым выражением прежнего культурного содержания, наличествующего, в том числе, и в критических работах родоначальника немецкой классической философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюшинкин В.Н. К методологии анализа понятия идентичности // Сб. научных трудов: Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США. — Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. — 135 с.
2. Корольков А.А. Русская духовная философия. — СПб.: ЗХГИ, 1998. — 465 с.
3. Хомяков А.С. Семирамида // Хомяков А.С. Соч. в 2 т. — М.: Меднум, 1994. — Т. 1. — 447 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — СПб.: Эксмо, 1995. — 556 с.
5. Трофимов В.К. Менталитет русской нации. — Ижевск: Изд-во Ижевск. ГСХА, 2004. — 389 с.
6. Бородай Ю.М. Эротика — Смерть — Табу: трагедия человеческого сознания. — М.: Гнозис, 1996. — 415 с.
7. Эрн В.Ф. От Канта к Крупну // Эрн В.Ф. Сочинения. — М.: Правда, 1991. — 576 с.

Поступила 28.04.2010 г.